

ЧЕРНОБЫЛЬ:

Александр КОЦ,
Дмитрий СТЕШИН

■ Наши корреспонденты поделились своими записями о поездке туда, где тридцать лет назад, 26 апреля, случилась авария на атомной станции.

МАЛЕНЬКИЙ СОВЕТСКИЙ РАЙ

Контрольно-пропускной пункт «Дитятки». В переводе с украинской мовы - «Детишки». За ним - зона отчуждения. Опоясанная колючей проволокой и блокпостами, щедро удобренная радиацией. 2600 квадратных километров благодатной земли, с которой тридцать лет назад выселили больше ста тысяч человек. Они в одночасье лишились всего и навсегда, когда 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции произошла крупнейшая в истории человечества техногенная катастрофа.

- Я работала в Припяти (50-тысячный город в четырех километрах от АЭС. - Авт.) в 126-й медсанчасти, - угощает нас чаем начальник спецмедсанчасти № 16 Чернобыля Екатерина Ганжа. - Его еще называли городом роз. И детей... А что вы хотите, средний возраст - до тридцати. Такой маленький советский рай. Той ночью было тепло, люди окна пооткрывали. Вдруг звонок в дверь. Муж открывает, там его коллега: «Петрович, что-то на станции случилось, собирайся скорее». На всякий случай позвонила к себе в «Скорую помощь». А там уже заведующая Алла Колыванова: «Машину за тобой вы-

слать не можем - все в работе». Четыре километра бегом... В больнице все отделения уже переполнены. Самые тяжелые - пожарные.

Их неофициально называли «первой шеренгой». Пожарные, бросившиеся в летних рубашонках на пылающий реактор.

Из воспоминаний вдовы пожарного Василия Игнатенко Людмилы: «Он сказал мне: «Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду».

Самого взрыва я не видела. Только пламя. Жар страшный. И копать оттого, что битум горел на крыше. Они сбрасывали горящий графит ногами... Уехали без брезентовых костюмов, как были, в одних рубашках.

В семь часов мне передали, что муж в больнице. Я побежала, но уже стояла кольцом милиция. Милиционеры кричали: «Машины зашкаливают, не приближайтесь!» Я увидела знакомого врача, схватила за халат: «Пропусти меня!» Я увидела его... Отекший весь, опухший. Глаз почти нет. В десять утра умер оператор Шишенок. Он умер первым. Мы узнали, что под развалинами остался второй - Валера Ходемчук. Так его и не достали. Забетонировали».

- Никто не приказал закрыть окна, надеть респираторы, - вспоминает Екатерина Ганжа. - Мы совещание проводили в кабинете, окна которого выходили на разрушенный энергоблок. Прибежали дозиметристы, кричат: «Вы тут за час получаете годовую норму!»

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ - ВЕРТОЛЕТЫ

На мертвом (вот уж ни прибавить, ни убавить) приколе уже двадцать лет светятся сотни грузовиков, пожарных машин, автобусов на кладбище радиоактивной техники в Рассохе. Летом 1986-го «грязную» технику зачем-то свезли сюда, за два десятка километров от АЭС. И оставили под открытым небом за пределами внутренней - 10-километровой - границы. Зачем? Нам никто не смог ответить. Может, чтобы проще было технику разворовывать?

- Раньше она здесь в два яруса стояла, а теперь сами видите, - пожимает плечами местный сталкер Сергей Анатольевич. - Одних вертолетов тридцать штук было, а теперь вон три «кастрированных» осталось.

Идем вдоль мертвой автоколонны. Двигателей нет ни в одной из машин. Подходим к сплюсненным автобусам - их свозили сюда на тягачах и сбрасывали тракторами (дозиметр жалобно пищит - 700 микрорентгенов в час). А вот стоят в ряд пожарные авто, кладем дозиметр на капот одного из них - почти полтора рентгена! Двигатели начали растаскивать практически сразу. Еще при социализме. А сами машины на лом - уже в девяностых. Рынок пришел!

ЭВАКУАЦИЯ НА «ПИКНИК»

Из воспоминаний Людмилы Игнатенко:

«И на второй день никто не говорил о радиации... А 27-го по радио объявили, что, возможно, город эвакуируют на три - пять дней. Возьмите с собой теплые вещи, будете жить в лесах. В палатках. Люди даже обрадовались: на природу! Встретим там 1 Мая. Необычно. Готовили в дорогу шашлыки. Брли с собой гитары, магнитофоны».

Менее чем за три часа практически все население Припяти (почти 50 тысяч человек) эвакуировали. Они ехали на трехдневный «пикник» мимо зданий, на которых через много

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Александр КОЦ, Дмитрий СТЕШИН

Стелла на подъезде к АЭС напоминает о былом величии.

■ Самоселы - вечная головная боль местных властей.

Выселить их насильно - скандалов не оберешься, а наказывать не за что. Они у себя дома. Никто даже не знает точно, сколько их на зараженных территориях. Нам называли разные цифры: и 300 человек, и 350, но каждый год их число сокращается, потому что в Зону вернулись только пожилые.

Самоселы живут в тишине и покое, кормятся натуральным хозяйством, лесом и охотой. О радиации стараются не думать. Это несложно, ведь внешне родные места не изменились. Скучно зимними вечерами, еле-еле что-то показывает подслеповатый телевизор. На улицу выходить страшно - по деревьям рыщут волки.

ДЯДЯ КОЛЯ С ЛУБЯНКИ

Раз в неделю приезжает автолавка. А раз в месяц, после раздачи пенсии, самоселов везут на базар в соседний райцентр. И есть еще одна радость, как правило, внезапная - туристы, которые никогда не навещают стариков с пустыми руками.

Дядя Коля Ткаченко, к которому мы едем в деревню Лубянка, - самый молодой новосел Зоны, ему 49 лет. Мы возникаем перед ним, когда автолавка уже заканчивает торговлю. Впрочем, покупателей немного - дядя Коля да его жена Мария. Ассортимент в лавке советский: чай, пряники, карамельки, хлеб, нитки.

Самоселы грузятся в нашу машину - «далеко» ехать, на

другой конец деревни. Во дворе у самоселов нас встречают кошки. Похоже, дядя Коля собрал их со всей округи. Еще в хозяйстве у него десяток кур и два индюка. Есть и огромный огород, обнесенный капитальным забором.

- Кабаны повадились ходить, - объясняет наличие изгороди хо-

зяин. - Им тут все изгадить - на полчаса удовольствия. А у меня все растет. Летом приезжайте - арбузами угощу - от такими! - Дядя Коля широко разводит руки. Таких здоровых арбузов не бывает в природе, и самосел обижается, перехватывая наши удивленные взгляды. - Да вы не волнуйтесь, у нас все чистое, никакой радиации.

Мы знаем, что у дяди Коли лейкопения. Мы знаем, что он знает об этом. Дядя Коля в Зоне старожил, вернулся всего через месяц после аварии. Недавно у него вдруг умерла собака. Просто перестала есть. Врачи объяснили нам, что это обычная история - животное, привезенное из чистого района, не смогло адаптироваться к Зоне.

Мы, как можем, заглаживаем свою неловкость. Пьем по очереди воду из колодца и только потом достаем дозиметр. Меряем уровень - 13 микрорентгенов, норма. Дядя Коля светлеет лицом:

- А что я вам, ребята, говорил?

Хозяйка зовет нас отобедать. Наверное, и сто лет назад эта украинская хата выглядела точно так же. Крашенные полы, беленые стены, немудреная мебель. В красном углу - иконостас, украшенный вышитыми рушниками. Приметы времени: старый телевизор, новенький приемник и гордость дяди Коли - радиотелефон «Алтай». Такие аппараты при советской власти ставили на горкомовские «Волги».